

Людмила и Александр Бакши

Полифония мира

Фрагмент из книги «Петли нашего времени.
Сочинение на два голоса в трех частях»

**Премьера музыкальной мистерии
«Полифония мира» состоялась в мае 2001 г.
на сцене Академического театра
им. Евгения Вахтангова и стала крупным
событием III Всемирной театральной
Олимпиады в Москве. Автор идеи и
композитор Александр Бакши, режиссер
Кама Гинкас, художник Сергей Бархин,
солист Гидон Кремер.**

«“Полифония мира” вызвала не просто разночтения – бурю, какой давно не было в нашей театральной среде... Разброс мнений по поводу “Полифонии” оказался огромен, оценки – прямо противоположными. < ...> Идея выглядела дикой – создание мистерии, жанра, священного для одних и смущающего других. Идея была нахальной, ибо предполагалась мистерия музыкальная, сразу для 90 исполнителей: “солиста, струнного оркестра, ансамбля ударных, медных духовых, шамана, исполнителей традиционной этнической музыки и фольклора, вокалиста, балерины, смешанного хора” и т. д. Идея казалась технически неподъемной и эстетически неперспективной. Наконец, опасной, то есть вовсе не гарантирующей успех... В итоге получилось лирическое театральное стихотворение, волнующее как море, как объяснение в любви без надежды на взаимность. Атмосфера зрелища вышла густой и вязкой, словно в воздухе запахло черемухой... Не будь слово “манифест” столь затрепанным, “Полифонию” можно было бы окрестить именно так»¹.

«В этом спектакле сошлись: авангардная музыкальная архаика композитора Александра Бакши; архитектурность сценографии Сергея Бархина; изощренная режиссура Камы Гинкаса, тяготеющая последнее время к притчевости; мастерство скрипача Гидона Кремера, выступившего как в своем привычном качестве корифея игры на скрипке, так и актера, на плечи которого возложены оправдание и защита культуры в образе Скрипача; оркестр ударных из Франции “Перкусьон де Страсбург” и наши российские исполнители, извлекающие звуки как из всем известных, так и совсем загадочных инструментов... На премьере этого уникального спектакля мы стали свидетелями события, аналогов которому в нашем как драматическом, так и музыкальном театре не было»².

Л.Б. Однажды в начале 90-х годов на гастролях в Париже мы гуляли по Монмартру. На каждом шагу нам встречались уличные музыканты из разных уголков мира. Иногда попадались французы... Подошли к Базилике Сакре-Кёр. Шла служба, играл орган. И вдруг к нему присоединился индийский ситар и таблы. Что это? Такого не может быть! Мы приоткрыли дверь и увидели заполненный народом храм. Священник в красном облачении (вероятно, кардинал) стоял около алтаря, а рядом с ним танцевали индианки в белых одеяниях с цветами и корзинами фруктов в руках. На полу сидели исполнители на ситаре и таблах. Индийская музыка поразительно сочеталась с органом.

А.Б. Экуменическая месса меня потрясла. Разноголосица улицы превратилась в полифонию в храме. Этот образ преследовал меня. Что-то в мире изменилось, если возникла такая потребность. Строительство полиэтнических государств в истории повторялось часто. Империи создавались и разрушались, но никогда музыка покоренных народов не интересовала покорителей – нематериальные ценности их не привлекали. Чувство превосходства доминировало над любопытством. Англичане пили индийский чай, но ситар не слушали до эпохи Битлз.

Л.Б. Нынешняя глобализация выглядит катастрофой. Жители голодной Африки заполонили Европу, а бедные южноамериканцы – США. Земля похожа на гигантский корабль, где на одном борту живут сытые, а на другом – голодные. Если голодные перебегут к сытым, корабль перевернется. Ситуация не изменится пока не поймем, что земля и есть наш общий корабль. Без ощущения единства всех ее обитателей жизнь просто невозможна.

Музыка транслирует эмоции. Совместные переживания сближают. Интерес и любовь к чужой музыке – первый шаг к единству.

А.Б. Идея спектакля на тему полифонии мира преследовала меня, но как к этому подступиться? Как превратить разноголосицу в полифонию на сцене? Она возможна только в пространстве храма. Там музыка адресуется не слушателю, а Небесам. Я не видел решения...

Но через несколько лет мне помог случай в аэропорту.

Объявили посадку на самолет в Нью-Йорк. Пассажиры всех цветов и оттенков кожи ринулись к стойке регистрации. Толкотня. Наконец расселись по местам, рассовали вещи, пристегнули ремни. И вдруг стюардесса объявила, что самолет неисправен. Его нужно покинуть с вещами и подождать новый. Ошарашенные пассажиры вышли на взлетную полосу. Шел проливной дождь. Самолет отбуксировали. Мужчина из бизнес-класса снял плащ и растянул его над головой. Его примеру последовали другие. Люди прижались друг к другу. Стоя в этой разношерстной толпе, я вдруг ощутил, что между нами возникла общность. Исчезли все различия: религиозные, социальные, расовые. И закрытое тучами небо над головой заменило нам купол храма. В этот момент я понял, что мистерию «Полифония мира» можно играть в театре. Достаточно убрать невидимую четвертую стену, отделяющую зрителей от актеров. Музыканты будут перемещаться по сцене, за сценой, по всему залу. А хор расположится на балконе, за спинами публики. Нужно создать акустическое пространство погружения. Спектакль начнется

большой хоровой сценой «Роды Земли»: парафраз библейского сюжета об Адаме, сотворенном из глины.

Во второй части – «Люди и звуки» – на сцену выйдут все персонажи со своими инструментами и голосами. Каждый будет стремиться заявить о себе, но беспорядочное хаотичное звучание породит бурю. Все разбегутся. И в третьей части появится главный герой мистерии – Орфей.

Л.Б. По древнегреческой мифологии он обладал даром гармонизовать силы природы. Его брали в поход за Золотым руном, чтобы усмирять морские бури. По сути, он был шаманом.

Во времена рождения оперы миф об Орфее стал историей его любви к Эвридике. Орфей силой своего искусства разжалобил повелителя мира мертвых Аида, и тот отпустил его возлюбленную. В этой трактовке Орфей из шамана превратился в художника. Разница принципиальная: шаман обращается к высшим силам, художник – к слушателям.

А.Б. Именно история превращения и будет сюжетом этого раздела.

Орфей звуками своей скрипки успокоит бурю. Это чудо привлечет множество людей, играющих на скрипках, альтях, виолончелях... Они попытаются подражать Орфею, но не смогут найти гармонии ни между собой, ни с природой.

Орфей покажет им аккорды. Музыканты объединятся в оркестр и в конце концов станут радостно топчущей толпой, которая покинет Учителя.

Гимн Орфею и Эвридике утвердит его образ художника, способного управлять только эмоциями слушателей.

В четвертой части оркестрантов сменят «Другие герои» – сказители, певцы и музыканты из разных уголков мира. Их сосуществование – постоянный конфликт. Сказитель споет героический эпос о подвигах своего народа, а русская фольклорная певица – о страданиях своего: «Татары шли, ковылу жгли, кашу варили, людей делили». Но австралийский диджериду задаст плясовой ритм, и разноголосица превратится в шумный общий праздник. Однако он не может продолжаться долго. После него остаются горы мусора, в том числе и в атмосфере. Шаманская акция очищения природы завершит этот раздел.

Пятая часть – «Погружение во тьму» – о смерти главного героя, который пытался победить хаос.

А кульминация спектакля – не европейский «De profundis» – камлание этнических музыкантов и барабанщиков. Грозно звучащая мольба

«Полифония мира». Фото Кен Рейнольдс

о спасении. Музыка оборвется мощным фортиссимо барабанов и гонгов. Пауза.

И в этой тишине шорох дождя заполнит зал. В финале все персонажи один за другим выйдут на сцену, каждый со своим звуком, пением, ритмом. Но теперь они слышат друг друга. Так родится настоящая полифония, которая подарит надежду.

Мистерия закончится шуршанием навеса над головами актеров. Он скроет их от публики.

Л.Б. Для такого представления нужны не просто хорошие музыканты. Если собрать на одной сцене европейских скрипачей и этнических сказителей, ничего кроме умилительной ерунды не получится. Эта история не о фальшивой дружбе народов, а о столкновении цивилизаций. Нужны герои, символы культур, к которым они принадлежат.

А.Б. И главных я знаю. Только Гидон Кремер может сыграть Орфея – знакового персонажа Европы. Ему одинаково близки и русские, и немецкие, и латышские, и французские традиции. Родился в Риге в немецко-еврейско-шведской семье. Учился в Москве. Жил в Париже. Точнее, в самолетах, которые ежедневно перевозили его из страны в страну. Он поразительно отзывчив, как скрипичная струна. А «Кремерата» – актерский ансамбль солистов-виртуозов³. Лучшего мне не найти.

Отношения с Гидоном и «Кремератой» были дружескими. Я писал для них пьесы, ездил на концерты. Однажды Гидон пригласил нас с Гией Канчели в концертный тур. Ни городов, ни стран не помню. Да мы их и не видели. Утром после завтрака репетиция. Потом обед, час отдыха, опять репетиция, концерт, аэропорт... Через пару дней всю программу мы знали наизусть. На репетициях мы играли роль публики – сидели в зале и слушали. А на концертах выходили на поклонны.

На третий день тура Гидон добавил в программу пьесу Софии Губайдулиной. Но я ее не услышал – у Гии случился приступ кашля. «Пойдем покурим», – прохрипел он.

Мы вышли.

— Ничего не могу с собой поделаться. От музыки Сони я всегда начинаю кашлять. Так стыдно, просто кошмар.

— У меня организм тоже реагирует на музыку. Бывает, опухает лицо, кожа чешется и чихаешь без остановки... Или температура поднимется... Или давление подскочит...

Гия повеселел.

— Я к Соне вообще хорошо отношусь. Но кашляю.

— Я тоже к ней отношусь с уважением.

Мы покурили и вернулись в зал.

Гидон мельком взглянул на нас и начал репетировать сочинение Гии. И тут случилось нечто странное – у меня потекли слезы. Черт знает что такое! Просто позор. Я закрыл лицо руками. И перед тем, как отвернуться от Гии, заметил, что и он плачет... Мы вышли из зала, глядя в разные стороны. В фойе нас встретил Гидон и сурово сказал: «Сволочи! Я так больше никогда не сыграю!»

Магия дается не просто. За нее приходится расплачиваться.

И действительно, на концертах он играл замечательно. Но ТАК больше не получалось...

Странная эта штука – музыка. Кажется, она разбирается в нас лучше, чем мы в ней.

Я рассказал об авантюрной идее «Полифонии мира» Гидону, и он почему-то с легкостью согласился участвовать.

Потом я встретился с Камой Гинкасом. Никаких сомнений по поводу режиссера не было. Я видел почти все его спектакли и поражался метафоричности мышления. Кама умеет строить событийный ряд, не опираясь на текст. Кому еще из режиссеров я мог бы предложить сделать спектакль без либретто? Действие и мизансцены для музыкантов

я придумываю сам. Но Кама добавит в «Полифонию» какую-то важную смысловую линию, которую в музыке не сделать.

Л.Б. О подготовке спектакля можно было бы написать книгу – авантурный роман или триллер. О том, как мы познакомились с Валерием Ивановичем Шадриним, генеральным продюсером Всемирной театральной Олимпиады в Москве. Без него, конечно, ничего бы не получилось. Это уникальный человек. Благодаря ему наша столица стала одним из центров мирового театра. Он привозил лучшие постановки звезд и молодых режиссеров, не считаясь с трудностями и затратами. Был всегда верен своему слову и непринужденно обаятелен. Мы поддерживали теплые дружеские отношения до конца его дней.

Когда мы приступили к подготовке проекта, стало ясно, что «аппетиты» придется умерить. На сцене не поместится больше ста человек. Так что об исполнителях этнической музыки со всего мира придется забыть. Но поскольку мистерия музыкальная, звучание важнее человеческих лиц. Нужно собрать исполнителей, владеющих разными этническими инструментами. Большой коллекции, чем у старейшего ансамбля ударных «Перкусьон де Страсбург», не было ни у кого в мире. Этот легендарный коллектив был первым в Европе.

В академической традиции ударные всегда были на задворках оркестра. Классическая музыка вышла из оперы, и поэтому барабаны и гонги солировать не могли. Но композиторы послевоенного авангарда в поисках новых звучаний обратились к ударным. Это не было попыткой завязать диалог с музыкой Африки и Азии – скорее, распространить влияние авторского мышления на весь мир. Но тем не менее процесс сближения культур уже шел. Ударники вышли на авансцену и стали солистами.

В этом ансамбле играли музыканты из разных стран, в том числе потрясающая Кейко Накамура из Японии. Именно она начинала спектакль.

С ребятами из ансамбля мы встретились случайно в середине девяностых на гастролях. Наш спектакль шел в том же здании, где они репетировали. Мы мило пообщались, однако на продолжение знакомства не рассчитывали. Но судьба распорядилась иначе.

Я могла бы рассказать о поисках этнических музыкантов, о знакомстве с афроамериканским тубистом Джоном Сасом и австралийским исполнителем на диджериду и тромбоне Адрианом Мearсом. О совещании у мэра Москвы Ю.М. Лужкова, от которого зависело окончательное решение нашей судьбы. О том, как Марк Захаров умело отвлекал

С «Перкусьон де Страсбург» в Москве

начальника от слишком глубокого погружения в проблемы, и о многом другом. За два года подготовки судьба спектакля много раз висела на волоске и часто зависела от второстепенных персонажей – секретарш, администраторов, курьеров. Но такой роман написать у нас не получится. Здесь нужен Стивен Кинг.

А.Б. А можно было бы написать мистическую повесть. Мы искали шамана, и я был уверен, что это будет мужчина. Несколько раз мы наткнулись на откровенных жуликов. Наконец, кто-то из специалистов по этническим культурам посоветовал шамана из Хакасии Татьяну Кобежикову. Мы встретились в консерватории. Интеллигентная женщина средних лет в очках производила впечатление доцента этого заведения. Мы попросились присутствовать на ритуале.

Дело было в феврале. Несколько месяцев над Москвой висели плотные облака. «Сейчас мы их разгоним», – сказала шаманка. Стала бить в бубен и через восемь минут выглянуло солнце. Ловкий фокус, подумал я. Минут через тридцать небо опять заволокло. «Придется повторить». И она повторила.

Однажды я пришел на репетицию буквально на одной ноге, вторая не сгибалась. Татьяна, взглянув на меня, предложила сесть. Двумя пальцами немного прижала колено.

– Вставайте.

С Арво Пяртом

И я пошел. Нога больше не болела.

Л.Б. У нашей дочери Наташи был знакомый австрийский священник, который общался с папой римским Иоанном Павлом II. Наташа подарила ему буклет «Полифонии». Перед премьерой мы получили послание из Рима: папа благословил спектакль и подарил нам католические четки. Если покопаться в памяти, можно обнаружить еще много необъяснимых и странных свидетельств благоприятного расположения звезд. Мы не будем этого делать.

Первые репетиции части «Орфей» проходили в гастрольных поездках Гидона и «Кремераты». Это сочинение для струнных, хора и ударных. Один из концертов проходил в Риме в гигантском зале академии «Санта Чечилия» (*Santa Cecilia*). Для гастрелей хор заменили струнным квартетом. А я исполняла партию первого сопрано. Мы располагались на балконе. Оттуда солист на сцене кажется размером с муху, и музыкантов невольно тянет играть погромче. Несколько лет назад я пела здесь с ансамблем Пекарского «Три сцены для сопрано с ансамблем» Альфреда Шнитке и хорошо знала особенности акустики. Еле слышное пианиссимо заполняло зал. Я учила струнников не подавать много звука.

Среди публики был знаменитый итальянский авангардист Лучано Беррио, муж великой и неповторимой певицы Кэти Берберриан. Хорошо, что я узнала об этом только после концерта. А то бы и рта не смогла открыть.

А потом мы играли в небольшом зале в Таллине. В этом концерте исполнялась также музыка Арво Пярта, и он сидел в первом ряду. Ты, увидев Пярта, страшно занервничал. В 60-е гг. он был радикальным авангардистом, но в конце 70-х вдруг повернул к строгой и просветленной простоте. И в любом его сочинении чувствуется подлинная религиозность. Как воспримет этот небожитель театральные эксперименты? Музыкантов, танцующих со скрипками? Барабанщиков, уводящих их со сцены, и прочие вольности? Наскоро поклонившись на аплодисменты, ты убежал за сцену в надежде спрятаться подальше, чтобы не встречаться с мэтром. Я была невольной свидетельницей умилительной сцены. Пярт подошел к тебе сзади и обнял со словами: «Поздравляю, маэстро!» Таким растерянным тебя я не видела никогда.

А.Б. Я к Пярту отношусь трепетно, в буквальном смысле этого слова. Он единственный живой композитор, кого я без всяких сомнений могу назвать великим.

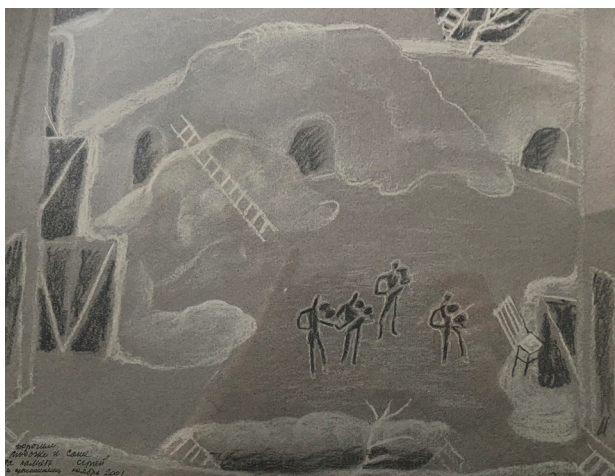
Л.Б. Подготовка к спектаклю шла полным ходом. Кама Гинкас пригласил блистательного художника Сергея Бархина, создавшего неповторимое мистериальное пространство. Режиссер придумал роли для перформанс-группы АХЕ (Павел Семченко и Максим Исаев). Они играли богов и добавили необходимую иронию. А замечательный греческий актер Василис Лагос без слов сыграл роль первого человека и помог сфокусировать внимание зрителя на музыкальных событиях.

«Слово режиссера»

Из буклета спектакля

«Полифония мира» – не концерт, хотя в ней занято несколько десятков музыкантов. Не опера, хотя есть певец из Большого театра и хор. Не балет, хотя есть балерина. Не драматическое произведение, несмотря на то, что участвуют перформанс-группа АХЕ и греческий актер, ученик Гротовского. Тем не менее это – театр, потому что здесь есть действие.

Когда рождается живое существо, оно старается определить свое “я”. Понять, что же такое мой звук, мой тембр, мой ритм. Вот я постукал по столу. Это – “я”. А он – по стакану. Это – “он”. Так начинается наше звуковое самоопределение. Проблема в том, как заявить о себе, не уничтожив рядом стоящего, не заглушить его голос, не убить его самого. Все войны возникали оттого, что “я” важнее чем “ты”. Мое племя

Эскиз сценографии «Полифонии мира» Сергея Бархина

лучше твоего. Моя нация главнее. Моя религия вернее. Футбольная команда “Спартак” лучше “Динамо”. Это – в природе человека. В этом его трагедия. Об этом – “Полифония мира”.

Вот почему в “Полифонии мира” есть “Роды Земли”, есть поиск человеком самого себя, есть его столкновение с другими. Вот почему здесь есть явление Героя, музыканта, способного вести диалог с природой, и есть неудачная попытка учеников следовать своему Учителю. Выясняется, что элементарный ритм барабана объединяет учеников легче, чем скрипка Учителя. Потом появляются другие герои, тоже претендующие на роль лидеров. Дальше – одиночество, хаос, смерть, похороны, наконец, возвращение к началу и многоточие в финале.

А.Б. Предпремьерные репетиции шли в Театре имени Вахтангова. Михаил Александрович Ульянов часто заходил в зал. Иногда подсаживался ко мне и тревожно спрашивал: «А Кама Гинкас не спалит театр?» Я отвечал: «Ну что Вы, Михаил Александрович, Кама ответственный человек. Опытный. Я в нем уверен».

И вот однажды Ульянов встретил меня около театрального буфета: «У нас в театре над сценой висят колокола из храма Христа Спасителя. Когда храм взорвали, колокола отдали театру, но мы их никогда не использовали. Вам они могут пригодиться».

Гидон Кремер, Кама Гинкас, Александр Бакши

Колоколов в партитуре не было. Оркестровые звучат как имитация, и в «Полифонии мира», где все инструменты аутентичные, выглядели бы нелепой подделкой. Ай да Михаил Александрович! Вот это подарок! Конечно пригодятся. В финале, где Миша Корзин поет духовный стих, тихий колокольный звон накроет весь зал:

*Бродил я далеко в чужой стороне
И страсти немолчно кипели
Небесный отец не забыл обо мне...*

«Слово композитора» Из буклета спектакля

«В «Полифонии мира» нет литературного либретто и почти нет слов. Драматургия складывается из взаимоотношений персонажей, которые говорят на разных музыкальных языках. Авторская музыка сочетается с традиционной этнической, фольклором, шаманскими акциями и джазом.

Мистерия – о поиске общности между людьми разных культур.

Столетиями человечество жило европейским идеалом ГАРМОНИИ МИРА, общего ПОРЯДКА. Свести разноголосицу в аккорд, многообразие свести к единству. Это вдохновляло не только создателей симфоний, но и создателей империй.

Репетиция «Полифонии мира»

Символ европейской музыки – оркестр: в центре – скрипки, а на задворках – сакральные азиатские и африканские барабаны. Оркестр – образ несвободы, потому что альтернатива диктатуре дирижера – хаос.

Последняя из империй распалась на наших глазах и определила наши судьбы. Может быть, поэтому среди исполнителей преобладают выходцы из бывшего СССР: мы тоскуем по нашим корням – культурной общности, откуда мы родом.

На рубеже веков формируется новое мышление. Суть его – в осознании ценности и равенства всех человеческих культур. На смену ГАРМОНИИ МИРА приходит ПОЛИФОНИЯ МИРА. Но модель ее еще не сложилась.

Казалось бы, просто следовать примеру природы: звуки весеннего леса часто называют “гармоничными”, но голоса зверей и птиц объединяет не учение о консонансе, а общность обстоятельств – греет солнце, идет дождь... Чтобы ощутить единство жителей такой маленькой планеты, не обязательно всем петь одну песню. Достаточно почувствовать, что мы ходим по одной Земле.

Однако люди живут не только в природе, но и в истории, и в культуре. И то, и другое разъединяет...

Сюжет Мистерии основан на идее, общей для всех народов: звук рождается из воздуха и связан с Духом. Он как невидимая нить соеди-

«Полифония мира». Финал «Возвращение». Фото Кен Рейнольдс

няет человека с Небом. На эту тему есть много мифов, и все они – о тайне Бытия. У людей нет общих слов и понятий, чтобы говорить на эту тему. Но есть Звук и Небо – одно на всех»⁴.

Спектакли прошли. Музыканты разъехались, и вдруг возникло чувство, что мы осиротели. Странно. Я такого никогда не испытывал и долго не мог понять причины. В конце концов осознал: дело в том, что я впервые не был одиночным автором музыки. Без своих соавторов я словно утратил часть себя.

Настоящая полифония невозможна без чувства единства. Оно подпитывает тебя энергией, придает силы. Твой голос становится частью звукового потока, но не тонет в нем, а как будто усиливается. Я надеялся заразить этим чувством публику, окружив ее звуком. Вероятно, заразил не всех, но это и не важно. Я уверен, что идея будет развиваться и без моего участия.

Л.Б. В 2015 г. Гидон прислал письмо: «Недавно вспоминал “Полифонию мира”. Какой же это был особенный проект! Он заложил “камень” многим Кремератским приключениям – со Славой Полуниным, с балетом (недавно исполняли “Серенаду” Леонарда Бернштейна и “Кармен-сюиту” с танцорами), и естественно нашему “действию” “Все о Гидоне”, возобновленному этим летом»⁵.

«Полифония мира». 19 мая 2001г. После премьеры

XX в. был временем множества разных музык: авангард, классика, рок, поп, джаз, электроника... Они существовали изолированно друг от друга, и у каждого направления была своя публика. В XXI в. во всех жанрах, стилях и направлениях начался процесс взаимодействия и диалога: в мюзиклах, роке, легкожанровой эстраде, на академической сцене. Процесс этот общемировой. В него включился даже Китай. В пекинской опере немецкий режиссер поставил спектакль, где музыка Вагнера сочеталась с традиционной китайской. А в начале двухтысячных мы делали спектакль в Шанхае с китайской труппой и актером из пекинской оперы.

На премьеру «Полифонии мира» газета *The Moscow Times* откликнулась статьей Джона Фридмана: «Я видел много замечательных постановок, некоторые из них стали эпохальными. Я никогда не видел ничего подобного “Полифонии мира”. Добро пожаловать в новую эпоху!»⁶

В оригинале текст был таким: «I have seen many great productions, some of them epoch-making. I have never seen anything like “The Polyphony of the World”. Welcome to the new age!»

Ну, что ж, добро пожаловать! Welcome!

«Полифония мира». Фото Кен Рейнольдс

- ¹ Казьмина Н. Свои и чужие: статьи, рецензии, беседы [Электронный ресурс] // iknigi.net: электронная библиотека. URL: <https://iknigi.net/avtor-natalya-kazmina/107926-svoi-i-chuzhie-stati-recenzii-besedy-natalya-kazmina/read/page-19.html>
- ² Галахова О., Шалашова А., Воронова Е. Обетованный звук // «Независимая газета». 22.05.2001.
- ³ «Кремерата Балтика» – камерный оркестр из молодых музыкантов, основанный Гидоном Кремером в 1997 г.
- ⁴ Музыкальная мистерия «Полифония мира». Видеозапись спектакля [Электронный ресурс] // URL: <https://youtu.be/m1pDapQU4Fg>
- ⁵ Письмо Гидона Кремера Александру Бахши. 2015 г.
- ⁶ Freedman J. The Moscow Times. 24.05.2001.